VISIT…

LANZAROTE Caliente.COM

ЗАПАД–ВОСТОК–РОССИЯ

ИМПЕРСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В РУССКОМ ТУРКЕСТАНЕ И БРИТАНСКОЙ ИНДИИ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

© 2010 К. А. ФУРСОВ

Сравнительный анализ империй, в частности их экономической политики, – одно из набирающих силу направлений исследований. В настоящее время, в условиях глобализации, оно получает дополнительную актуальность из-за процесса, который многие западные исследователи именуют "растаиванием нации-государства". За последние десятилетия нация-государство перестала быть единственной базовой единицей организации современного мира и социального анализа. В науке не только появились принципиально новые единицы анализа (мир-система И. Валлерстайна, макрорегионы), но и оживилось внимание к старым единицам анализа, в том числе империям. Цель настоящей статьи – сравнить экономическую политику Российской и Британской империй во второй половине XIX – начале XX в. на примере двух географически близких регионов – Русского Туркестана[1] *и Британской Индии.*

Две территориально крупнейшие империи мира XIX – начала XX в. – практически ровесницы. О становлении Российской империи правомерно говорить с середины XVI в., когда Московская Русь присоединила Казанское ханство. Британская империя начала складываться на рубеже XVI–XVII вв., с колонизацией Северной Америки. К началу XX в. обе империи существенно выросли вширь, прежде всего за счет владений в Азии. Главной колонией России стал Западный (Русский) Туркестан, присоединенный в 1860–1880-е гг.[2] Главной колонией Великобритании стала Индия, присоединенная в середине XVIII – середине XIX в. Экономическая политика держав в этих колониях играла одну из важнейших ролей в функционировании экономической системы каждой из империй в целом. Во многом эта политика была схожей, однако неизбежно имелись и отличия.

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА

Собственность. В жузах Казахстана до присоединения к России земля находилась в племенной собственности (в основном это были пастбища); в ханствах Средней Азии – в собственности верховной власти (разделяясь на обычные в исламском мире

[1] Имеется в виду не только Туркестанское генерал-губернаторство, но и Степной край (часть территории современного Казахстана).

[2] Сразу уместен вопрос: в какой степени к национальным окраинам Российской империи применим термин "колония"? Ведь Российская империя резко отличалась от современных ей европейских империй, помимо прочего, тем, что географически была и расширялась как единое целое; юридически колоний у нее не было. И все же к Туркестану термин "колониальный" в целом применим (как то делали советские историки) – учитывая характер экономических связей края с Европейской Россией ("метрополией"). Показательно, что как о колонии о Туркестане (и до какого-то времени о Кавказе) нередко писали сами русские современники (государственные деятели, чиновники, публицисты). Кстати, юридически не была колонией и Индия: имела статус Индийской империи (с 1876 г.).

категории *амляк*, *мульк* и *вакф*[3]); *дехкане* (земледельцы) имели право наследственного пользования. С присоединением Туркестана русская администрация стала проводить меры, направленные на ограничение крупного землевладения знати. Первый генерал-губернатор Туркестанского края генерал К.П. фон Кауфман (1867–1882) отменил податные льготы мульковых владений, провел перерегистрацию вакуфных земель, в результате которой их урезали вчетверо.

Большинство споров в правящих кругах Российской империи о выработке аграрной (и не только) политики в Туркестане сводились к вопросу: чему отдать приоритет – политическим или экономическим соображениям? Правительство, чиновничество выступали за приоритет политических соображений, за скорейшую интеграцию края в империю и прежде всего его налоговую эксплуатацию. Отсюда – курс на русскую колонизацию (что отвечало и интересам части помещиков центральных губерний). В аграрной политике это выразилось в стремлении сохранить собственность верховной власти (земля крестьянам – только в пользование).

Складывающаяся русская буржуазия, напротив, отдавала приоритет экономической эксплуатации края. Промышленники-текстильщики стремились превратить Туркестан с его развитой хлопководческой отраслью в источник сырья (и рынок сбыта) для своих фабрик, поэтому выступали против колонизации (русские крестьяне были незнакомы с хлопководством). Соответственно в вопросе собственности на землю фабриканты стояли за развитие в сторону частного землевладения.

Результатом борьбы стал законодательный компромисс – Положение об управлении краем 1886 г. За оседлым населением Туркестана (о кочевом – ниже) закрепили обрабатываемые земли “в постоянном, потомственном владении, пользовании и распоряжении”. В целом такое решение вопроса оформило курс правительства на постепенное развитие буржуазного типа землевладения [Кененсариев, 1984, с. 11–14]. В результате земля стала объектом широкой купли-продажи. К началу XX в. покупал и продавал землю 21% дехканских хозяйств края (в Ферганской области – 40%) [Лаврентьев, 1930, с. 38]. Естественно, в условиях развития товарно-денежных отношений и малоземелья основной массы дехканства шел процесс обезземеливания и концентрации земли в руках *баев* (деревенской верхушки). В 1900 г. был заключен еще один законодательный компромисс: за оседлым населением закрепили и необрабатываемые земли, обложив налогом все категории земель (орошаемые, богарные, пустующие). С одной стороны, стремление правительства получить максимум налогов удовлетворяло интересы государства, с другой – росло число земель в “частной” собственности, что отвечало интересам буржуазии.

Дилемма, перед которой стояли правящие группы России по поводу Туркестана, в Индии не была столь острой. Конечно, наступление парламента на административные привилегии Ост-Индской компании в первой половине XIX в. отражало недовольство промышленных кругов тем, что Компания эксплуатирует Индию прежде всего как источник налогов. Однако Великобритания никогда не собиралась делать Индию переселенческой колонией, а ко времени перехода управления от Компании к короне (т.е. парламенту) в 1858 г. британские промышленники уже получили широкий доступ к эксплуатации субконтинента (посредством управляющих агентств и других механизмов).

Тем не менее нужды управления и обороны требовали огромных средств, поэтому британцы в Индии тоже сохранили собственность верховной власти на землю, юридически введя между тем и частную собственность (интересы фиска оставались приоритетными). Еще Ост-Индская компания ввела земельно-налоговые системы: *заминдари* – в Северо-Восточной и части Южной Индии (собственником земли и налого-

[3] Соответственно земли хана (казны), крупных землевладельцев и религиозных учреждений (мечетей, медресе и т.д.).

плательщиком считался крупный землевладелец-*заминдар*, а крестьяне были сведены к положению его арендаторов); *райятвари* – в Южной и Западной Индии (ввиду отсутствия крупного землевладения собственником и налогоплательщиком сделали земледельца-*райята*); *махалвари* – в Центральной и Северной Индии (фискальной единицей считалась деревенская община в целом).

Как и в Туркестане, слишком быстрая ломка традиционных социально-экономических отношений в индийской деревне привела к обезземеливанию крестьянства, что стало одной из причин восстания в Хиндустане 1857–1859 гг. (туркестанским аналогом можно отчасти считать восстание 1916 г. в Джизаке и других местах). Это, а также непроизводительная трата землевладельцами взимаемой с арендаторов ренты заставили британцев скорректировать аграрную политику. С 1859 г. до начала XX в. по Индии прошла волна арендного законодательства: значительная часть арендаторов получили права наследственной "защищенной" аренды. По замыслу, ограничение произвола землевладельца должно было подтолкнуть индийского крестьянина в сторону хозяйства капиталистического типа.

Вместе с тем британцы продолжали курс на укрепление союза с крупными землевладельцами из среды традиционной знати: после восстания 1857–1859 гг. многие их представители, оставшиеся верными британцам, были награждены титулами и землями. Этим британская аграрная политика коренным образом отличалась от русской в Туркестане, где, как сказано выше, власти немало способствовали ослаблению социально-экономического положения традиционной знати (хотя у знати, которая активно сопротивлялась покорению индийских княжеств, Ост-Индская компания земли конфисковывала). Правда, с развитием товарно-денежных отношений и имущественным расслоением в деревне в обеих колониях росла новая прослойка крупных землевладельцев – уже как продукт британского/русского колониализма.

По своим социальным результатам аграрная политика обеих колониальных держав была двойственной, даже противоположной по результатам. С одной стороны, власти стремились сохранить стабильный источник налоговых поступлений. Поэтому в индийской деревне существовала круговая порука при взимании налога, что объективно укрепляло сельскую общину; Кауфман в проекте Положения о Туркестанском крае 1873 г. вообще предложил возродить этот социальный институт. С другой стороны, целью властей было и расширение сферы капитализма в сельском хозяйстве. Правда, буржуазные отношения проникали в восточную деревню крайне медленно.

Одно из главных отличий аграрной политики русских от британцев – меры по изъятию "излишков" земель с целью колонизации населением метрополии. Если в густонаселенной Индии с ее жарким климатом и отсутствием кочевых территорий белой колонизации не было вовсе, то в Туркестане, хотя его основная часть была населена "инородцами", имела место русская колонизация, которая в ряде районов носила массовый характер (поэтому – пусть с некоторой натяжкой – Туркестан правомерно отнести к смешанному типу колонии[4]). Кочевые угодья Положение 1886 г. однозначно объявило государственной собственностью, и власти проводили конфискацию свободных, по их мнению, земель, делая их колонизационным фондом (главным образом на территории современных Казахстана и Кыргызстана). Казаков селили принудительно, крестьян из Европейской России привлекали налоговыми и прочими льготами[5].

[4] Хотя к 1908 г. русское население Туркестанского края составляло всего 5.4%, среди жителей Семиреченской области его доля достигла 14.7% [Юферев, 1911, с. 23–24]. Доля русского населения в Степном крае к 1914 г. выросла до 40%. Для сравнения: доля британцев в населении Индии (вместе с гарнизонами) никогда не превышала 0.03% [Washbrook, 1990, p. 493].

[5] Именно приоритет, который имперские власти отдавали русской колонизации перед всеми другими вопросами социально-экономического развития края, американский историк Д. Броуэр считает главной причиной крушения Российской империи в Туркестане [Brower, 2003].

Самих кочевников Российская империя поощряла переходить к оседлости и земледелию. Главная причина – тоже стремление высвободить землю для русских переселенцев. Кроме того, в переходе к хлебопашеству видели перспективное средство подъема экономики, да и контролировать оседлое население всегда легче кочевого. Любопытно, что в первой половине XIX в. администрация разных генерал-губернаторств проводила противоположную аграрную политику. Власти Оренбургского края, имевшие дело с Младшим жузом, до середины XIX в. противились седентаризации казахов, считая, что она погубит кочевое скотоводство, а это лишит русскую промышленность источника сырья. Власти Западной Сибири, имевшие дело со Средним жузом, напротив, поощряли седентаризацию с самого начала (возможно, причина разного курса состояла в том, что через Оренбург шла торговля казахов с Европейской Россией; в Сибири же мануфактур не было, поэтому как источником сырья она Восточным Казахстаном не интересовалась).

Сельскохозяйственные культуры. Имея целью превратить колонию в источник сырья для промышленности метрополии, имперская политика в обоих случаях была направлена на расширение посевов экспортных культур. Обе империи в целом не прибегали к внеэкономическим методам организации сельскохозяйственного производства, какие практиковались, например, в Нидерландской Индии с ее знаменитой "системой принудительных культур" 1830–1860-х гг. И все же тяжелые экономические условия заставляли производителя сеять именно те культуры, на которые был спрос в метрополии. В Туркестане на это работала вся система кредита хлопковых фирм и их "туземных" агентов, распределявших заказы и авансы среди дехкан. В отдельных районах возделывание определенной культуры – хлопчатника – было обязательным условием наделения дехканина землей (Тедженское и Мургабское государевы имения в Закаспийской области). В Индии принуждение порой тоже практиковали (так, фактически на положении рабов жили бедняки, законтрактованные на чайные плантации Ассама).

В Туркестане главной колониальной культурой стал хлопчатник, причем внедренные в 1880-е гг. разновидности американского сорта *Upland*. Здесь Туркестан уместнее сравнить с Египтом, чем с Индией: в обоих случаях экспортное лицо колонии определяла монокультура хлопчатника. В 1915 г. хлопчатник занимал в Туркестане второе после пшеницы место по площади посевов (524 тыс. десятин), а в Ферганской области на него приходилось почти 40% обрабатываемой площади, в Закаспийской – 32% [Демидов, 1926, с. 14, 20]. Хозяйство Индии в этом отношении было значительно более диверсифицированным, хотя в ее экспорте хлопок с третьей четверти XIX в. тоже лидировал (обогнав опиум)[6].

В случае Туркестана рост площадей под экспортной культурой привел к росту зависимости колонии от метрополии в импорте зерна. В случае Индии такая ситуация не возникла (Великобритания сама ввозила продовольствие), но в рамках внутриимперской торговли рос импорт риса Индией из Бирмы (между странами империи углублялось разделение труда).

Особняком в аграрной политике стоит феномен плантаций. Их насаждали и русские в Туркестане, и британцы в Индии. Этот тип организации сельского производства существовал в виде мелких анклавов в море крестьянского хозяйства. В Индии площадь плантаций составляла всего 1% обрабатываемых земель (индиго, сахарный тростник, чай, кофе, каучук). В Туркестане плантации тоже занимали небольшую площадь, но в отличие от Индии уже к концу 1880-х гг. почти сошли на нет. Причинами были: применение обычного ручного способа обработки (с внедрением американского хлопчатника дехканские хозяйства выиграли конкуренцию у плантаций за счет своей

[6] В обоих случаях колониальная держава не преминула аннексировать наиболее ценные хлопкопроизводящие территории (Россия – Кокандское ханство с его Ферганской долиной в 1876 г., Ост-Индская компания – область Хайдарабада Берар в 1853 г.).

массы); выгодность для хлопковых фирм закупок сырья по сравнению с его производством собственными силами; плохое знакомство с методами ведения хозяйства в условиях Средней Азии.

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА

И Индия, и Туркестан до колониального времени выступали как крупные центры производства и экспорта тканей. Индия в XVI–XVIII вв. производила более четверти мировой продукции, а ткани были главной статьей ее экспорта[7]. Начав одевать значительную часть мирового населения, именно у Индии Британия перехватила эстафету "мастерской мира". Если в 1850 г. она вывезла хлопчатобумажных тканей на 28.3 млн ф. ст., то Индия к 1858 г. – лишь на 810 тыс., тогда как ввезла их Индия на 4.8 млн [Simkin, 1968, p. 266]. Своими хлопчатобумажными и шелковыми изделиями славилась и Бухара. С промышленной революцией в Европе и успешной конкуренцией хлынувшей на Восток фабричной продукции в рассматриваемых колониях наступил упадок ручного ткачества. Если даже во второй половине XIX в. товарный поток хлопчатобумажных изделий шел в обе стороны (Россия–Туркестан), то с 1890-х гг. Россия прекратила ввозить ткани из Средней Азии. Соответственно, рос импорт в Туркестан русских тканей: в 1891 г. – 700 пудов, в 1912 г. – 2 млн [Кастельская, 1980, с. 59].

В результате экономического проникновения Европы клонились к упадку и другие виды ремесленного производства. В Туркестане это чеканнооружейное и обувное дело, в 1900-е гг. – изготовление ковров. В Индии это ручное изготовление джутовых изделий, шерстоткачество в Кашмире, шелкоткачество в Бенгалии (за последнюю треть XIX в. – вчетверо [Habib, 2006, p. 98]), производство железа и бумаги. Если в 1800 г. доля Индии в мировом производстве составляла 19.7%, то к 1913 г. снизилась до 1.4% [Tomlinson, 1999, p. 69, table 3.8].

Проникновение из метрополии капиталистического уклада в обоих случаях привело к зарождению местной промышленности. Сначала в ней по необходимости господствовал капитал метрополии. Именно русские хлопковые фирмы основали первые в Туркестане хлопкоочистительные заводы, которые стали главной отраслью производства в крае. Русским предпринимателям принадлежали маслобойные, шелкомотальные заводы, предприятия по добыче каменного угля, нефти. В Индии британский капитал полностью господствовал в джутовой промышленности, угледобыче.

Однако вскоре буржуазия метрополии потеряла монополию на промышленное производство. В колониях возникала национальная буржуазия – часто выходцы из предпринимателей компрадорского типа. В Туркестане первый хлопкоочистительный завод, принадлежащий местному баю, появился уже в 1886 г. (в Маргелане). В Ферганской области в 1911 г. насчитывалось 48 хлопкоочистительных заводов русских фирм и 109 – "туземных" [Лаврентьев, 1930, с. 53, табл. XV][8]. В Индии хлопчатобумажная промышленность с самого начала оказалась под контролем индийского предпринимательства. Первая фабрика этой отрасли была основана в 1854 г. в Бомбее торговцем-парсом. В 1895 г. из 70 хлопчатобумажных фабрик Бомбея в собственности британских капиталистов находилось всего 14 [*Новая история Индии*, 1961, с. 365]. С начала XX в., когда индийские ткани стали вытесняться с рынков Японии и Китая японской продукцией, индийские фабриканты переориентировались на отечественный рынок,

---

[7] В XVII в. экспорт из Индии 200 видов тканей только в Европу достигал 60 млн м^3 в год [Эршад, 1986, с. 125]. Это притом что доля Европы в экспорте Индии составляла всего 14%.

[8] Конечно, промышленностью хлопкоочистительные заводы можно назвать с некоторой натяжкой: джинировка (машинная очистка) хлопка была **первичной** обработкой сырья, которое затем отправляли на текстильные фабрики Центральной России. Хлопкоочистительный завод был элементом закупочной сети русских хлопковых фирм, частью **торговой** системы. Не случайно видной фигурой среди "туземных" агентов этих фирм стал *чистачи* – скупщик хлопка, который одновременно владел собственным хлопкоочистительным заводом.

где их продукция начала составлять конкуренцию импортному аналогу из Британии. Если в 1896/97–1900/01 гг. доля импортных тканей в потреблении Индии составила 63%, а тканей отечественного производства – 12% (остальная часть спроса по-прежнему удовлетворялась за счет ручного ткачества), то в 1909/10–1913/14 гг. соответственно 56 и 23% [Morris, 2004, p. 578, table 7.4]. Лидировала национальная буржуазия и в черной металлургии (*Tata Iron and Steel Company*). В целом национальная промышленность развивалась в Индии вопреки экономической политике метрополии.

По сравнению с туркестанской индийская национальная буржуазия развивалась намного быстрее по причине исходного наличия в стране мощных торгово-ростовщических домов, принадлежащих к кастам *бания*, *марвари* и др., этнорелигиозной общине *парсов*, а также значительно более высокого уровня капиталистического развития метрополии. Поэтому если в Индии ко времени Первой мировой войны национальная буржуазия уже возникла, то в Туркестане она до конца так и не сформировалась и в значительной степени оставалась компрадорской. В Туркестане сохранилась промышленность колониального типа (перерабатывавшая сырье на вывоз), тогда как в Индии уже возникали предприятия, обслуживающие внутренний рынок.

СОЗДАНИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Одним из наиболее зримых результатов экономической политики колониальных империй было масштабное развитие путей и средств сообщения. В первую очередь это железнодорожное строительство. Правда, в обоих случаях империя тянула железные дороги прежде всего в военно-стратегических целях. Однако скоро их появление дало сильнейший импульс развитию торговли метрополии с колонией. В Туркестане к 1916 г. длина полотна составила 5 285 км [Лаврентьев, 1930, с. 90]; в Индии к 1920/21 г. – 56 980 км [Hurd, 2004, p. 739]. В строительстве участвовало и государство, и частный капитал. В Индии власти привлекали его тем, что гарантировали дивиденд в размере 5%. В России в 1905 г. приняли закон “О мерах к привлечению частных капиталов к делу железнодорожного строительства” (с гарантией казной платежа процентов и погашения облигационных займов).

Колониальные державы развивали и другие виды сообщения (обычные дороги, почта, телеграф), а также ирригационную сеть. Русская администрация в Туркестане осуществила строительство ряда каналов близ Ташкента и в Голодной степи, хотя большинство проектов осталось на бумаге. До 1917 г. было орошено всего 45 тыс. новых десятин [Аминов, Бабаходжаев, 1966, с. 77]. Причина заключалась в непроясненности вопроса: кто главным образом должен финансировать такие работы – государство или частный капитал? Здесь в который раз вопрос упирался в дилемму политического или экономического значения Туркестана для империи. В ходе подготовки законов об ирригации перед Первой мировой войной правительство сильно колебалось между перспективой укрепления империи (и связанной с ним русской колонизации) и перспективой подъема хлопководства (и связанными с ним экономическими выгодами). Правительству не удалось договориться с фабрикантами-текстильщиками об условиях привлечения их капиталов к ирригационным проектам, а приоритетом оставались соображения политические (стремление сохранить земли в государственной собственности и укрепить влияние в пограничном регионе) [Правилова, 2006, с. 294].

В Индии колониальное ирригационное строительство имело намного более внушительные масштабы. С начала XIX в. до 1938 г. доля орошаемой площади выросла с 5–6 до 22% (прежде всего Панджаб, Синд и Соединенные провинции) [Roy, 2006, p. 293]. Проекты осуществляли и государство, и частные компании. Как и в Туркестане, частный капитал поначалу шел в подобные проекты неохотно, но правительство Индии, как и в случае с железными дорогами, гарантировало акционерам 5%-ный дивиденд.

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА

Налоговая политика обеих империй характеризуется снижением размеров податей по сравнению с предшествующими властными образованиями. Главная цель состояла в “замирении” новых территорий. Если в ханствах Средней Азии размер *хараджа* (земельной подати) колебался от 20 до 50% урожая, то Положение о крае 1886 г. установило государственный поземельный налог в размере 10% валового дохода с искусственно орошаемой земли (богарная не облагалась вовсе). Примерно такими же к концу XIX в. оказались ставки налога в Индии – в результате отказа британцев серьезно их пересматривать (усвоили уроки восстания 1857–1859 гг.), а также подъема хозяйства и роста цен из-за падения стоимости серебра (в Бенгалии ставка налога оказалась равной 5–6% урожая, в Соединенных провинциях – 8–10%, в провинции Мадрас – 6–10%) [Алаев, 2005, с. 367]. В Панджабе Ост-Индская компания с его завоеванием в 1849 г. снизила земельный налог сразу на четверть.

Уровень налогообложения на территории империи выгодно отличался и от положения в соседних восточных княжествах. Неудивительно, что уже после русского завоевания Средней Азии из-за непосильных поборов (до 70 всевозможных налогов и сборов) наблюдалась миграция жителей Хивинского ханства в Аму-Дарьинский отдел [Гиршфельд, 1903, с. 53]. Случаи бегства населения из княжеств во владения колониальной державы отмечены и в Индии, например, из эмиратов Синда накануне аннексии этих княжеств Ост-Индской компанией в 1843 г. (причина – высокие подати и превращение эмирами многих пахотных земель в свои охотничьи угодья).

Налоговая политика служила колониальным державам механизмом не только сбора средств на содержание гарнизонов, управление и т.д., но и поощрения развития товарно-денежных отношений (что содействовало втягиванию туркестанской/индийской экономики в мировую капиталистическую систему, прежде всего в экономику империи). Так, если в среднеазиатских ханствах харадж нередко платили натурой (зерном, хлопком), то русская администрация уже в начале 1870-х гг. перевела подати в денежную форму, вынуждая производителя продавать часть урожая на рынке. Коммутацию налога проводили и британцы в Индии. Кроме того, налоговая политика была прямо нацелена на поощрение производства экспортных культур, служивших сырьем для фабрик метрополии. С 1891 г. власти Туркестана исчисляли валовую доходность дехканского хозяйства на всю площадь по одной культуре, только не по хлопчатнику, а по следующей за ним преобладающей культуре (налоговая льгота для хлопка).

ТАМОЖЕННАЯ ПОЛИТИКА И ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

В этой сфере экономическая политика двух империй имела больше различий, нежели сходств. С присоединением “киргиз-кайсацких степей” и завоеванием Средней Азии Россия упразднила все таможенные барьеры, стремясь к полной инкорпорации новых территорий в империю (в 1868 г. были ликвидированы Оренбургская и Западносибирская таможенные линии). Индия оставалась в Британской империи отдельной территорией, поэтому импортные таможенные барьеры сохранялись. Здесь следует отметить двойственность британской тарифной политики в Индии. С одной стороны, она была направлена на углубление экономической зависимости Индии от метрополии. Так, в торговле хлопчатобумажными тканями тарифная политика во многом диктовалась мощным лобби Ланкашира в парламенте. Это и снижение пошлин на ввозимые в страну британские ткани, и разные ставки транзитных пошлин во внутренней торговле (пока они существовали – до второй четверти XIX в.): на британские ткани – 5% стоимости, на индийские – 20%.

Выше сказано, что в целом национальная промышленность Индии развивалась **вопреки** экономической политике метрополии. И все же отчасти эта политика способствовала ее подъему. Фискальные нужды правительства Британской Индии нередко

приходили в противоречие с интересами британских промышленников – и подчас брали верх. Выигрывали от этого производители в Индии – не только британские, но и индийские инвесторы, собственники предприятий.

Восстание 1857–1859 гг. сильно уменьшило казну Индии, и в 1859 г. правительство резко подняло импортные пошлины: 20% – на предметы роскоши, 10% – на прочие товары, включая готовую продукцию Ланкашира, 5% – на хлопковую пряжу (в 1860 г. была тоже повышена до 10%). Однако под сильным давлением промышленного лобби уже в 1862 г. пошлину на пряжу снизили обратно до 5%, а в 1882 г. почти все импортные и экспортные пошлины вообще отменили. В результате они составили всего 2.2% товарооборота Индии – меньше, чем в любой другой стране мира [Maddison, 1971, p. 56]. И все же, не устояв перед финансовыми трудностями, в 1894 г. правительство Индии восстановило импортные пошлины в размере 5%, а вскоре после реформ Монтегю–Челмсфорда (введение режима диархии), в 1921 г., Индия получила фискальную автономию, в результате чего основные отрасли ее промышленности обрели ту или иную степень протекционизма. По мнению авторов концепции "джентльменского капитализма" П. Кейна и Э. Хопкинса, финансовый капитал Великобритании сознательно пошёл на это, чтобы гарантировать Индии рынки сбыта фабричной продукции – чтобы страна могла продолжать выплачивать проценты по огромным займам (такая же политика будет лежать в основе Оттавской системы в отношении доминионов). Получается, что, обслуживая интересы британского финансового капитала, экономическая политика Лондона напрямую вредила интересам британского промышленного капитала, поддерживая его конкурентов внутри империи [Cain, Hopkins, 1994, p. 83–145, 188–194].

Этот подход укладывается в схему американского историка, автора концепции системных циклов накопления капитала Дж. Арриги, согласно которой вслед за первой, материальной (промышленной), фазой цикла накопления приходит вторая, финансовая, когда экономическую политику определяет финансовый капитал [Arrighi, 1994]. Вторая фаза британского цикла накопления наступила в 1870-е гг.

Так совпали интересы промышленного капитала Индии и финансового капитала Британии, действовавшего через колониальные власти.

В Туркестане ситуация получалась обратной: складыванию национальной буржуазии (какой бы слабой и экономически зависимой она ни была) содействовали как раз промышленники метрополии (через спрос на сырье).

Другое принципиальное отличие таможенной политики – протекционизм в Туркестане и ханствах и господство принципов свободной торговли в Индии.

В условиях промышленного подъема России протекционизм лишь нарастал. Яркий пример – поэтапное повышение пошлины на ввозимый из-за границы хлопок с целью максимально приблизить империю к автаркии. Одной из причин такого стремления были опасения "хлопкового голода" на мировом рынке из-за подъема текстильной промышленности в США. Другой причиной было то, что потребности текстильной отрасли России вели к растущему оттоку за рубеж золота. В 1878–1900 гг. пошлину на ввозимое из-за границы очищенное волокно поэтапно повысили с 40 коп. до 4 руб. 15 коп. с пуда. Результаты обнадеживали: в 1913/14 г. Россия произвела 14 млн пудов хлопка, а потребила 28 млн (при мировом урожае без России в 301 млн пудов); стало быть, уже обеспечивала себя хлопком наполовину [Заорская, Александер, 1915, гл. IV, с. 3, табл. 2]. Уже к началу XX в. Россия благодаря собственному хлопководству сберегала до 35 млн руб. в год [*Задачи России…*, 1900, с. 26].

Эффективной мерой явился также запрет в 1868 г. на импорт в Туркестан из-за границы европейских товаров (они шли транзитом через Кабул и Мешхед) – кроме не конкурировавших с российским производством индиго и кисеи для чалм, которые все же обложили астрономической пошлиной в 50%. В русле того же курса имели место запрет в 1870 г. на экспорт из Туркестана грены (чтобы не поощрять зарубежной кон-

куренции в шелководстве), ограничения по Положению 1886 г. на деятельность иностранного капитала в крае. В 1894 г. в таможенное пространство империи включили Бухарский эмират и Хивинское ханство. Англо-индийским товарам пришлось идти в Туркестан кружным путем через Батум, Баку и Красноводск, а русский импорт в Бухару за короткое время взлетел до 20 млн руб. в год [Бартольд, 1963, с. 432].

Британская империя по-прежнему жила по законам свободной торговли. С идеями фритредерства связывали эпоху наивысшего благосостояния Британии как "мастерской мира"; от них откажутся только с Великой депрессией 1929–1933 гг. Однако, согласно теории гегемоний И. Валлерстайна, пик британской гегемонии в капиталистической мир-системе закончился с наступлением Великой депрессии 1873–1896 гг.; низкие импортные пошлины объективно способствовали проникновению на рынки империи продукции держав – экономических соперников Британии (США, Германии, Японии).

В результате внешнеэкономические связи двух колоний носили принципиально разный характер. Для Туркестана основным торговым партнером была Европейская Россия (конечно, играли роль и давние торговые связи с XVI в.). Во внешней торговле Бухарского эмирата на Россию в начале XX в. приходилось 97% импорта и 88% экспорта [Тухтаметов, 1977, с. 141]. У Индии крупных торговых партнеров было несколько, причем доля держав – соперников Британии (особенно в экспорте) росла. В 1850/51 г. на метрополию приходилось 45% экспорта и 72% импорта Индии; другими партнерами были Цинская империя (35 и 9%), страны Аравийского моря и Персидского залива (5 и 6%), Стрейтс Сеттлментс (по 4%) и Франция (3 и 2%). В 1910/11 г. ситуация была совсем иной. Доля Британии снизилась до 25% экспорта и 62% импорта; в торговле с собственной колонией у нее появились серьезные конкуренты – Германия (9 и 4%), Япония (6 и 3%), США (6 и 3%); доля Франции выросла до 8 и 2% [Chaudhuri, 2004, p. 864, table 10.21A; p. 865, table 10.21B].

В рассматриваемый период структура торговли между Туркестаном и Индией, с одной стороны, и их метрополиями – с другой, претерпела эволюцию, которая свидетельствует о превращении этих стран в аграрно-сырьевые придатки своих колониальных держав.

В случае Туркестана эволюция протекала намного быстрее: он был завоеван/присоединен только в середине XIX в., но к началу Первой мировой войны его экономика уже вполне превратилась в таковую колониального типа. В 1858 г. структура экспорта из Средней Азии в Россию была следующей: скот (2.9 млн руб.), кожи (928 тыс.), хлопчатобумажные изделия и хлопок (по 697 тыс.) и пр. [Костенко, 1880, с. 29, табл.]. Решающей причиной изменения структуры туркестанской торговли с Россией стало его завоевание, которое многократно облегчило русским купцам сбыт своих товаров (в ханствах они подвергались произвольным поборам властей). Так, если в 1863 г. из Семипалатинской области в Азию (включая Китай) было вывезено товаров на 139 тыс. руб. (ввезено на 44 тыс.), то в 1866 г. вывоз взлетел до 292 тыс. (ввоз – 34 тыс.) [*Материалы для статистики...*, 1876, с. 64, табл.]. В 1914 г. Россия вывозила из Туркестана продукты хлопководства (75% стоимости), скотоводства (10%); сухие и свежие фрукты, кишмиш и пр. (4%), хлопковое масло (3%), рыбу (2.5%). Туркестан ввозил из России полуфабрикаты и готовые изделия текстильной промышленности (41%); продукты пищевого производства (13%); металлические изделия (11%), хлеб (7%), продукты деревообделочного, химического производства, нефть, стеклянные, фарфоровые, фаянсовые изделия [Балашев, 1924, с. 65–66].

Индия стала колонией до рассматриваемого периода, а именно во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Однако к вполне колониальному типу ее внешняя торговля эволюционировала относительно незадолго до Туркестана – с 1810–1820-х гг., когда сошла на нет торговля Ост-Индской компании, которая вывозила в Европу ткани индийского ремесленного производства, и на азиатские рынки устремилась фабричная продукция Британии. В отличие от Туркестана завоевание, пожалуй, не было решаю-

щей причиной экономического преобладания имперской державы (все-таки Великобритания в XIX в. стала "мастерской мира"), но колониальные власти содействовали этому преобладанию своей таможенной политикой. В 1850/51 г. структура индийского экспорта была такой: опиум – 30%, хлопок-сырец – 19, индиго – 11, сахар – 10%. Доля хлопчатобумажных тканей в экспорте упала в 1811/12–1850/51 гг. с 33 до 4% [Chaudhuri, 2004, p. 842, table 10.10; p. 844, p. 10.11]. В 1920/21 г. расклад изменился: джутовые изделия – 22%, хлопок-сырец – 17, зерно – 11, хлопчатобумажные ткани – 8% (начался подъем национальной промышленности), джут-сырец и семена – по 7% [Chaudhuri, 2004, p. 844, table 10.11]. Структура импорта Индии в тот же период была следующей. 1850/51 г.: хлопчатобумажные ткани – 32%, металлы – 17, хлопковая пряжа – 9; 1920/21 г.: ткани – 26%, металлы – 12, машины – 7, материалы железнодорожного строительства и пряжа – по 4% [Chaudhuri, 2004, p. 858, 10.18]. Типично колониальный характер торговли.

Торговлю России с Туркестаном и Британии с Индией сближает то, что в обоих случаях колониальная держава опиралась на рынки своей колонии, теснимая во внешней торговле конкурентами. Россия обратила внимание на рынки Туркестана еще с 1830-х гг., когда британские ткани стали теснить ее продукцию на рынках Османского султаната и Персии. Роль Индии как рынка сбыта продукции Ланкашира постоянно росла. Если в 1845–1849 гг. доля субконтинента в хлопчатобумажном экспорте Британии составляла 15%, то к 1890 г. достигла 40% [Moore, 1984, p. 79] и Индия обогнала США как крупнейший импортер британских тканей. По мере ослабления своей гегемонии в мировой экономике Британия все больше "уходила" в свою империю (прежде всего в Индию).

ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА

Валютный курс. В Туркестане после образования края получили обращение российские денежные знаки, хотя привычные населению бухарские и хивинские деньги они вытеснили лишь к концу XIX в. Индия с начала и до конца колониального периода обладала собственной валютой, основу которой составляла серебряная рупия. Во второй половине XIX в. шел общемировой процесс падения стоимости серебра по отношению к золоту (из-за демонетизации серебра в Германии, Скандинавии и Латинском валютном союзе вместе с резким ростом добычи металла), что стало отрицательно сказываться на британском предпринимательстве в Индии. Это заставило власти провести ряд финансовых реформ. В 1893 г. они закрыли монетные дворы свободной чеканки (для индийцев это означало конфискацию немалой доли накоплений, разорилось несколько индийских банков). В 1899 г. был фиксирован курс рупии – на отметке 1 шиллинг 4 пенса. Этой мерой британцы искусственно взвинтили курс индийской валюты, оторвали её от денежных систем других азиатских стран и приковали к курсу фунта стерлингов [*Новая история Индии,* 1961, с. 500]. Индия была переведена с серебряного стандарта на золотой (правда, ситуация сохранялась лишь до начала Первой мировой войны). Таким образом, если Россия стремилась к полной финансовой интеграции нового края, то Британия поставила валюту своей главной колонии в подчиненное положение.

Банки (как государственные, так и частные) играли в эксплуатации колоний одну из ключевых ролей. В Туркестане первый русский банк – Государственный – открыл первое отделение в 1875 г. (в Ташкенте); с 1905 г. стали появляться филиалы коммерческих банков, которые к началу Первой мировой войны вели уже 80% учетно-ссудных операций в крае [Лаврентьев, 1930, с. 78]. Львиная доля этих операций приходилась на выдачу авансов дехканам под урожай хлопка (через цепь "туземных" комиссионеров – *таразударов*, *арбакеши* и проч.). В Индии первые банки европейского типа возникли в первой половине XIX в. – Банки Бенгалии, Мадраса и Бомбея, которые тоже были государственными (в той степени, в какой выступала государством Ост-Индская ком-

пания). Позднее Индию как объект вывоза капитала начали осваивать частные коммерческие банки Британии. Функции колониальных банков были сходными с таковыми в Туркестане (сельский производитель получал от них займы тоже опосредованно – через цепь ростовщиков-*махаджанов*, *сахукаров*, *саррафов*), но ввиду большей развитости и диверсифицированности хозяйства эти функции были разнообразнее. Появление банков индийского капитала относится к рубежу XIX–XX вв.; к 1913 г. на них приходилось 24% всех депозитов [Левковский, 1963, с. 81].

Мелкий кредит. К началу XX в. рост спроса и стремление промышленников метрополии к максимальной прибыли все серьезнее наталкивались на неблагоприятные условия производства – рост долговой кабалы и обезземеливание крестьян. Становилось ясно, что “туземный” ростовщик и скупщик сырья состоит не только в симбиозе с промышленным и банковским капиталом метрополии. Деятельность местного посредника в определенной степени была контрпродуктивной для этого капитала: займами под огромные проценты подрывала крестьянское хозяйство (не говоря уже о платежеспособном спросе в колонии на продукцию метрополии, да и государство лишалось налогоплательщиков). Так, в Туркестане Государственный банк кредитовал частные банки и хлопковые фирмы из расчета 6.5% годовых, а ростовщики и скупщики хлопка выдавали дехканам ссуду под 40–60% и более [Ахмеджанова, 1984, с. 63]. К тому же долговая кабала дехкан была одним из препятствий на пути ирригационного строительства: не хватало рабочей силы.

В Индии наблюдалась аналогичная ситуация. Пытаясь решать проблему, власти ряда провинций приняли законы, запрещавшие покупать землю представителям торговых каст. В Туркестане в начале XX в. провели сходную меру: запретили отчуждать по долговым обязательствам участок дехканина площадью менее 1 десятины.

Однако панацею в обеих колониях увидели в другом – в кооперативном сельском кредите. Его целью было освободить крестьянина от пут ростовщической кабалы и приблизить его к рынку. Законы об учреждениях мелкого кредита были приняты и в Петербурге, и в Лондоне в 1904 г. В 1909 г. Государственный банк назначил первых инспекторов мелкого кредита в Туркестане. Правда, в руководство возникающими кредитными товариществами активно шла байская верхушка деревни, которая в основном и ставила их себе на службу. К 1914 г. в крае насчитывалось 460 товариществ, но на них приходилось всего 5% всех кредитов хлопковых предприятий [Аминов, Бабаходжаев, 1966, с. 91]. Примерно такими же по масштабам и социальным последствиям оказались результаты кооперативного движения в Индии, где экономически самостоятельных производителей было немного и где даже в 1950 г. кооперативные общества обслуживали всего 3% потребностей сельского населения [*A History of Modern India...*, 2002, p. 420].

В зависимых княжествах финансовая политика империй была сходной. Министерство финансов России в 1893 г. распорядилось прекратить чеканить в Бухаре и Хиве их собственную валюту – серебряную таньгу (правда, фактически монета продолжала ходить наряду с рублем до падения ханств). Британцы в южноиндийском княжестве Майсур в 1881 г. запретили чеканку и хождение местной монеты; в западноиндийском княжестве Порбандар они тоже ввели хождение своей рупии и т.д.

* * *

Результаты воздействия империй на экономику колоний во многом были сходными. В обоих случаях колониализм подтолкнул развитие товарно-денежных отношений в зависимых странах и втягивание их хозяйства в мировую капиталистическую систему. И Туркестан, и Индия служили для своих метрополий рынком сбыта, источником сырья и сферой приложения капитала. В обеих странах это привело к формальному введению частной собственности, проникновению капиталистических отношений, развитию современной инфраструктуры и производства экспортных культур, подъему ростовщичества, росту цен, обезземеливанию крестьянства и росту рынка наемной рабочей силы, появлению промышленных предприятий, национальной буржуазии и рабочего класса.

Вместе с тем в имперской экономической политике двух держав были и серьезные различия. В аграрной сфере это ослабление традиционной земельной знати в Туркестане и курс на ее некоторое укрепление в Индии. На первый взгляд вызывает удивление: почему же тогда к концу рассматриваемого периода капитализм в сельском хозяйстве Индии был намного более развитым, чем в Туркестане? Ответ состоит в исходном невысоком уровне развития капитализма в метрополии и невысоком уровне развития туркестанской экономики в сравнении с индийской. Другое коренное различие в аграрной политике – изъятие администрацией Туркестана части земель под нужды русских переселенцев ввиду наличия огромной зоны хозяйства кочевого типа. Противоположные курсы проводили две империи и в таможенной политике. Россия усиливала протекционизм в целях развития собственной промышленности, тогда как Британия сохраняла свободу торговли: ее промышленность уже достигла пика развития. Правда, к концу XIX в. она его и миновала, но правящие круги по-прежнему видели в принципе *laissez faire* высшую экономическую истину, тем более что афро-азиатские колонии ввиду неразвитости фабричного производства оставались выгодным рынком сбыта. К тому же протекционизм привел бы к повышению цен на продовольствие, которое Британия теперь в значительной степени ввозила из-за границы.

Окупались ли империи? Приносили ли прибыль метрополии?[9]

С точки зрения государственного бюджета в случае Туркестана вопрос стоял весьма остро. По статистике Государственного контроля, край был вторым по убыточности регионом империи после Закавказья. Бюджет Туркестана был дефицитным и дотационным до 1906 г., когда доходы, наконец, превысили расходы на 372 тыс. руб. [Котюкова, 2008, с. 196, прил. 5]. Однако вопрос не так прост, и ответ на него неоднозначен. Министерство финансов и администрация Туркестана постоянно спорили о факте доходности/убыточности края. Министерство считало, что военные издержки (60% расходов администрации края) следует относить на счет местного бюджета, а Кауфман и его преемники настаивали, что эти расходы – из категории общеимперских. В 1899 г. по распоряжению генерал-губернатора С.М. Духовского вышла любопытная брошюра А.С. Стеткевича "Убыточен ли Туркестан для России". Автор убедительно доказывал, что край приносит империи немалую экономическую выгоду[10]. Однако по-своему прав

[9] Вопреки распространенному мнению причины имперской экспансии имели неэкономический характер **в обоих случаях**; точнее, соображения торговли играли подчиненную роль. Россия принимала в подданство казахов и киргизов ради спокойствия на южных границах; в Среднюю Азию двинулась прежде всего по стратегическим соображениям (геополитическое противостояние с Британией – знаменитая Большая Игра). Южная Азия была покорена Ост-Индской компанией задолго до превращения субконтинента в рынок сбыта и источник сырья для британской промышленности: главными движущими силами выступали фискальные нужды (поиски новых средств на содержание сипайской армии и т.д.) и стремление обезопасить себя от внешних угроз (французы, сильные индийские княжества). Показательно, что до 1840-х гг. сбыт фабричных изделий Британии на Востоке шел довольно вяло – чего нельзя сказать о темпах расширения там ее империи [см.: Bayly, 1989].

[10] По справедливому мнению А.С. Стеткевича, гарнизоны в крае имели не столько туркестанское, сколько общеимперское значение. Ради Туркестана пограничные гарнизоны не были увеличены вовсе; напротив, в 1896 г. в Средней Азии было на 10% меньше войск, чем в 1863 г. на границах со Средней Азией. Это все равно, отмечал автор брошюры, что ставить войска в Варшавском военном округе на счет привисленских губерний, которые в таком случае оказались бы намного убыточнее Туркестана. Поэтому при вычислении расходов на край стоимость содержания его гарнизонов (за 28 лет 174 млн руб.) следует исключить. Тогда расходы на собственно Туркестан (управление, сбор налогов, экономическое развитие, железнодорожное строительство) составили бы не 290 млн, а всего 116 млн руб. – при 158 млн доходов (значит, на содержание гарнизонов сам Туркестан дал 42 млн руб). К этому надо прибавить доходы казны с Уральской и Тургайской областей, где благодаря занятию Туркестана больше не держали войск (28 млн руб.). Таким образом, 42 + 28 = 60 млн руб. чистого дохода казны от присоединения Туркестана. Кроме того, таможенный доход от обложения пошлиной импортного хлопка: в 1879–1896 гг. 203 млн руб. Выгоды всей империи – сбережение от уплаты за границу 256 млн руб. за 26 млн пудов хлопка, ввезенного в Европейскую Россию из Средней Азии в 1887–1896 гг. Это внесло вклад в рост курса рубля и способствовало переходу к золотому стандарту. Выгоды потребителей: за среднеазиатский хлопок заплачено в среднем по 2 руб. 38 коп., на пуд меньше, чем за американский (общая экономия более 60 млн руб.) [Стеткевич, 1899, с. 8–18].

был и министр финансов С.Ю. Витте (1892–1903), отвечавший на это, что ввиду инвестиций в хлопководство Россия вправе получать с края больший доход (но тут уж дело упиралось в паразитический характер деятельности ростовщиков и неразвитость ирригации)[11].

В случае Индии доходность ее бюджета под сомнение не ставили – даже несмотря на то, что колония полностью покрывала расходы на свою оборону (тоже 60% бюджетных расходов). Это было прописано в Акте об управлении Индией 1858 г., и парламент обязан был выделять средства из казначейства метрополии только тогда, когда сипайскую армию использовали за пределами Индии. Британия, как метрополия прежде всего **морской** империи, не собиралась нести расходы по обороне крупных сухопутных владений; у Российской империи, как **континентальной,** не оставалось выбора.

Что касается экономических выгод для Британии от обладания Индией, то они были значительны. Как сказано выше, Индия служила метрополии крупным рынком сбыта готовой продукции, в меньшей степени – источником сырья; также выступала объектом вывоза капитала. Даже радикальные представители манчестерской экономической школы, которые в середине XIX в. призывали правительство избавляться от колоний как от "мертвого груза" на бюджете метрополии, для Индии делали исключение (напротив, отходя от принципа *laissez faire*, выступали за активную роль государства в развитии ее хозяйства).

Однако экономическая роль Индии для метрополии не ограничивалась "классической триадой" форм эксплуатации колонии в эпоху империализма. К концу XIX в., с ростом удельного веса во внешней торговле Индии новых индустриальных стран той эпохи (США, Германии, Японии) и началом промышленного упадка самой Британии, Индия ввиду положительного баланса торговли с ней метрополии стала помогать последней нейтрализовать дефицит в торговле с США и Европой. В условиях упадка гегемонии Британии Индия долго служила ей спасательным кругом. Вместе с тем, как отмечают исследователи, без легкодоступных колониальных рынков британская промышленность в условиях конкуренции стран Европы и Америки могла бы технически модернизироваться в конце XIX в. намного быстрее. Наличие огромных экономически отсталых владений само по себе тормозило развитие метрополии. Многие отрасли британского производства работали прежде всего на колониальные рынки, что с определенного момента служило причиной их собственного отставания.

В конце статьи целесообразно, следуя примеру известного британского медиа-интеллектуала и исследователя империй Н. Фергюсона, подвести некий "балансовый отчет" экономической политики каждой из двух империй в ее главной колонии.

Положительная сторона баланса. Завоевание/присоединение Туркестана и Индии к европейским империям пресекло бесконечные междоусобные войны среди местных княжеств, вторжения в эти страны извне и разбой на дорогах, что само по себе благотворно повлияло на экономическую ситуацию в колониях. Как все империи в истории, *Pax Russica* и *Pax Britannica* обеспечили безопасность передвижения, что не могло не способствовать развитию внутренней и транзитной торговли в колониях. Установление имперского господства привело к отмене рабства и прекращению произвола властей с их поборами (хотя в Туркестане его сменила коррупция в имперском аппарате, да и в Индии отмечалось масштабное взяточничество "туземного" персонала в полицейской службе, суде и т.д.).

Таким образом, воздействие империй на экономику подвластных территорий не ограничивалось собственно экономической политикой и торговлей. Переходя к последним, надо сказать, что высокий уровень спроса в Европе и Северной Америке на

[11] К мнению о бюджетной прибыльности Туркестана склонялся и председатель ревизионной комиссии 1908 г., сенатор, граф К.К. Пален – хотя, как и Витте, полагал, что край мог бы приносить в казну больше средств, если развивать хозяйство. Того же мнения придерживается исследовательница Е. Правилова, добавляя, что подсчитать все выгоды от приобретения Туркестана невозможно [Правилова, 2006, с. 296–297].

"колониальные" культуры, а также развитие инфраструктуры дали мощный толчок росту экспорта (что привело к обогащению верхушки деревни). Метрополии вкладывали немалые средства в экономические проекты в колониях: к началу Первой мировой войны русские частные инвестиции в Туркестане составили 300–350 млн руб. [Лаврентьев, 1930, с. 105, табл. XXXVI], британские частные инвестиции в Индии (с Цейлоном) – 379 млн ф. ст., т.е. 3.6 млрд руб. (пятая часть инвестиций в империи и десятая часть всех заморских инвестиций (рассчитано по: [Fieldhouse, 1973, p. 55, table 4]). Если в эпоху Могольского султаната (XVI–XVIII вв.) в Индии орошалось всего 5% обрабатываемых земель, то к концу Раджа (этим словом из языка хиндустани британцы называли свое правление в Индии) – четверть.

Колониальные державы способствовали внедрению промышленных технологий, современных средств сообщения (железные дороги, пароходы, почта, телеграф), банковского дела, что позволило зародиться национальной промышленности в Индии и отчасти в Туркестане. Надо признать, что, создав в многоукладной экономике колониальной Индии условия для развития капитализма, британцы объективно заложили фундамент превращения Индии к середине XX в. в одну из крупнейших промышленных держав мира (создание современной промышленности в Казахстане и Средней Азии – это уже советский период). Хотя Британская империя никогда не была единым экономическим организмом, она давала подданным (включая жителей "цветных" колоний) ряд преимуществ, таких, например, как доступ к британской системе морского транспорта и страхования, единое миграционное пространство. Поэтому для полноты картины экономической политики империи можно упомянуть возможности для заработка и предпринимательства индийцев за морем. Со второй четверти XIX в. начался массовый выезд индийцев в другие колонии (Маврикий, Наталь, Британскую Восточную Африку, Стрейтс Сеттлментс, Гонконг, Тринидад, Фиджи и др.) в качестве законтрактованных работников, ремесленников, купцов, адвокатов.

Отрицательная сторона баланса. Вместе с тем, конечно, имело место явление, которое в советской историографии называли колониальным грабежом. Проникновение фабричной продукции метрополий привело к деиндустриализации Туркестана и Индии – упадку местного ремесленного производства (хотя в новейших работах по Индии масштабы этого процесса ставят под сомнение[12]). Правда, благодаря промышленной революции Европа завоевала бы рынки Азии и без установления политической власти (в XIX в. об этом твердили радикалы манчестерской школы). Целью метрополий была однобокая аграрно-сырьевая специализация колониальных экономик ради максимально эффективного обслуживания собственных промышленных и финансовых нужд; другое дело, что индийская промышленная буржуазия сумела воспользоваться противоречием интересов британских промышленников и колониальных властей. Вместе с тем она, конечно, целиком зависела от импорта основного капитала из метрополии, а его приходилось приобретать по монопольно высоким ценам. К тому же колониализм

---

[12] В индологической литературе устоялось клише о "равнинах Индии, белеющих костями ткачей". По мнению современного индийского специалиста по экономической истории Тиртханкара Роя, из-за конкуренции британских фабричных изделий в Индии действительно было потеряно несколько миллионов рабочих мест, но то были в основном крестьяне и домохозяйки, подрабатывавшие на стороне за гроши; поэтому с точки зрения дохода упадок был существенно менее значительным, чем с точки зрения занятости; продолжавшие работать ткачи даже выиграли от снижения цен на пряжу, а импорт дешевых британских тканей вызвал рост спроса на ткани вообще; к тому же упадок производства не был внезапным катаклизмом и сопровождался ростом занятости в сельском хозяйстве [Roy, 2006, p. 65–67]. В Туркестане успех текстильной промышленности метрополии был скромнее. "Российские ситцы самостоятельно не справились с задачей, блестяще выполненной в Индии их британскими собратьями, – московские ситцы сумели изгнать ткацкий станок из дехканской кибитки (*sic! – К.Ф.*) только после того, как объединились с американским хлопчатником. Да и то, изгнав матоткачество из домашнего обихода туркестанского хлопковода, российские ситцы не успели вытеснить мату с местного рынка и не смогли поэтому уничтожить кустарно-ремесленное матоткачество, сосредоточенное в ряде старых городов нынешнего Узбекистана. Эта задача была бы по плечу только местной прядильно-ткацкой крупной фабрике" [Лаврентьев, 1930, с. 13].

"заставил индийскую фабрику пользоваться техническими обносками Европы" [Павлов, 1958, с. 293]. Заботясь прежде всего об укреплении своего господства, колониальные державы тратили средства на развитие хозяйства колоний по остаточному принципу. Так, расходы правительства Индии на общественные работы в 1891 г. составили всего 4% [Stein, 1998, p. 263] (при упомянутой выше доле расходов на армию в 60%). Развитие в колониях производства культур на экспорт увеличило зависимость их экономик от колебаний цен на мировом рынке сельскохозяйственной продукции. Колониализм ускорил процесс имущественного расслоения в деревне, способствовал распространению долговой кабалы производителей. Так, туркестанский хлопкороб, несмотря на хлопковый бум и высокие цены на продукт своего труда, получал сравнительно мало выгоды – из-за эксплуатации не столько русскими хлопковыми фирмами, сколько их "туземным" торгово-скупочным аппаратом.

Острейшим вопросом в отношениях британских властей и поднимавшегося национально-освободительного движения была проблема "колониальной дани". В бюджете Индии существовала графа "расходы на родине" (*home charges*) – перевод правительством Индии немалых средств в Британию в счет выплаты процентов по долгам, содержания **британских** частей англо-индийской армии, флотилий у берегов субконтинента, штата министерства по делам Индии в Лондоне, выплаты отпускных и пенсий чиновникам Индийской гражданской службы, выплаты гарантированных правительством 5% дивидендов компаний по железнодорожному и ирригационному строительству. К концу XIX в. "расходы на родине" превысили 20 млн ф. ст. в год [Chaudhuri, 2004, p. 873]. Существование такой графы в бюджете привело к появлению в индийской общественной мысли "теории выкачки" (*"drain theory"*), которую сформулировал общественный деятель Дадабхай Наороджи (1825–1917). Часть этих средств действительно утекала из Индии безвозвратно, но, как отметил Т. Рой, когда правительство платило высокое жалованье европейскому инженеру или университетскому преподавателю, то не была пустая трата средств (Индия еще не располагала специалистами с таким уровнем квалификации) [Roy, 2006, p. 107][13].

Российская и Британская империи во второй половине XIX – начале XX в. выступали агентами распространения капитализма в периферийных зонах мировой капиталистической системы, в частности в своих главных колониях Туркестане и Индии (конечно, в разной степени и разном масштабе). Как показали теоретические разработки отечественных экономистов В.В. Крылова и В.Г. Растянникова, расширяясь территориально, капитализм не только (а может, и не столько) проникал в страны Америки, Азии и Африки в чистом виде, но и нередко ставил себе на службу другие уклады и даже создавал от себя такие докапиталистические уклады, которых до него в зонах проникновения не существовало (плантационное рабство и латифундии в Америке) [Крылов, 1997; Растянников, 1973]. Колониальная экономическая история Туркестана и Индии – один из примеров этого явления.

Проникая в Среднюю Азию, русский капитализм, как отметил еще В. Лаврентьев, не уничтожал старых форм эксплуатации, а приспосабливал их к своим нуждам. Пример – феномен *чайрикерства* (издольщина). До русского завоевания оно существовало в Средней Азии 700 лет и мало отличалось от свободного найма [Лаврентьев, 1930, с. 45–46]. Неудивительно, что в период включения региона в мировую капиталистическую систему этот вид эксплуатации получил широкое распространение, особенно в хлопководстве. Другой пример приспособления капитализмом местных экономических укладов под себя – использование отношений сельской аренды для поощрения производства экспортных культур, вывоз из Британии в Индию хлопчатобумажной

[13] По данным известного британского экономиста А. Мэддисона, в 1868–1930 гг. "выкачка" составила всего 1% чистого внутреннего продукта Индии. Для сравнения: голландцы за тот же период выкачали из своей Ост-Индии 8% ее чистого валового продукта (http://dx.doi.org/10.1787/723137538677).

пряжи и металлов для их ремесленной обработки. Что касается создания укладов от себя, то яркий пример – насаждение чайных плантаций в Ассаме, где положение *кули* (законтрактованных работников) мало отличалось от рабского.

Однако степень трансформации капитализмом экономик Туркестана и Индии не следует завышать, как это делали многие советские историки. Так, П.Г. Галузо почти отождествлял туркестанское *мардикерство* (вольный наем в сельском хозяйстве) с отношениями капиталистического типа [Галузо, 1935, с. 177]. Советские индологи тоже подчас преувеличивали степень проникновения капитализма в экономику колониальной Индии и нередко трактовали агентов полукапиталистических форм найма как пролетариат. В реальности капиталистическая трансформация шла очень медленно и неравномерно. Так, в сельском секторе огромное предложение дешевой рабочей силы не стимулировало развития капиталистических методов ведения хозяйства. Вообще, несмотря на немалые затраты, британцам далеко не везде удалось трансформировать экономику афро-азиатских стран в желательной для себя степени. Как отмечает британский историк К. Бэйли: "Британский капитализм в Индии был относительным провалом" [Bayly, 1988, p. 202]. Судьба русского капитализма в Туркестане известна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алаев Л.Б. Пробуждение Индии и консолидация колониального режима (Глава 6) // *История Востока.* Т. IV. *Кн. 2. Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в.).* М.: Вост. лит., 2005.

Аминов А.М., Бабаходжаев А.Х. *Экономические последствия присоединения Средней Азии к России.* Ташкент: Узбекистан, 1966.

Ахмеджанова З.К. *Железнодорожное строительство в Средней Азии и Казахстане (конец XIX – начало XX в.).* Ташкент: Фан, 1984.

Балашев Н.И. *Экономическая география Средней Азии.* Ташкент: Среднеазиатское гос. изд-во, 1924.

Бартольд В.В. Русская власть и ханства. Бухара // Бартольд В.В. *Сочинения в 9-ти томах.* Т. II (1). М.: Изд. вост. лит., 1963.

Галузо П.Г. *Туркестан – колония (Очерки истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии).* Ташкент: Гос. изд. УзССР, 1935.

Гиршфельд К.Г. *Военно-статистическое описание Хивинского оазиса.* Т. II. Ташкент: Тип. штаба Турк. военного округа, 1903.

Демидов А.П. *Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности Туркестана.* М.: Центр. упр. печ. ВСНХ-СССР, 1926.

Задачи России в Средней Азии в связи с вопросом о проведении Среднеазиатской железной дороги. СПб.: Электротип. Н.Я. Стойковой, 1900.

Заорская В.В., Александер К.А. *Промышленные заведения Туркестанского края.* Пг.: Екатерининская тип., 1915.

Кастельская З.Д. *Из истории Туркестанского края (1865–1917).* М.: Наука, 1980.

Кененсариев Т. *Экономическая политика царизма в Киргизии в конце XIX – начале XX в.*: Автореф... канд. ист. наук. М., 1984.

Костенко Л.Ф. *Туркестанский край: опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа.* 3 т. СПб.: тип. и хромолит. А. Траншеля, 1880. Т. III.

Котюкова Т.В. *Туркестанское направление думской политики России (1905–1917 гг.).* М.: Энтер-Графико, 2008.

Крылов В.В. *Теория формаций.* М.: Вост. лит., 1997.

Лаврентьев В. *Капитализм в Туркестане. Буржуазная колонизация Средней Азии.* М.: Изд-во Комм. Акад., 1930.

Левковский А.И. *Особенности развития капитализма в Индии.* М.: Изд. вост. лит., 1963.

Материалы для статистики Туркестанского края: ежегодник / Под ред. Н.А. Маева. Вып. IV. СПб.: Туркестан. стат. ком., 1876.

Новая история Индии / Под ред. К.А. Антоновой, Н.М. Гольдберга, А.М. Осипова. М.: Изд-во вост. лит., 1961.

Павлов В.И. *Формирование индийской буржуазии.* М.: Изд. вост. лит., 1958.

Правилова Е. *Финансы империи: деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917.* М.: Новое изд-во, 2006.

Растянников В.Г. *Аграрная эволюция в многоукладном обществе: опыт независимой Индии.* М.: ГРВЛ, 1973.

Стеткевич А.С. *Убыточен ли Туркестан для России?* СПб.: Типолитогр. Р. Голике, 1899.

Тухтаметов Т.Г. *Россия и Бухарский эмират в начале XX в.* Душанбе: Ирфон, 1977.

Эршад Ф. *Мохаджерат-е-тарихи-йе-ираниан бе Хенд* (История миграции иранцев в Индию). Тегеран: Моуссесе-йе-матталат ва тахгигат-е фарханги, 1986 (на фарси).

Юферев В.И. *Сельскохозяйственный обзор Туркестанского края.* Ташкент: электропаровая типо-лит. Штаба Турк. воен. окр., 1911.

Arrighi G. *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times.* L.–N.Y.: Verso, 1994.

Bayly C.A. *Imperial Meridian: The British Empire and the World, 1780–1830.* L.–N.Y.: Longman, 1989.

Bayly C.A. Indian Society and the Making of the British Empire // *The New Cambridge History of India.* Vol. II.1. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

Brower D.R. *Turkestan and the Fate of the Russian Empire*. L.–N.Y.: Routledge Curzon, 2003.

Cain P.J., Hopkins A.G. *British Imperialism, 1688–2000. Vol. II. Crisis and Deconstruction, 1914–1990.* L.–N.Y.: Longman, 1994.

Chaudhuri K.N. Foreign Trade and Balance of Payments (Chapter X) // *The Cambridge Economic History of India. 2 vols.* Vol. II: 1757–2003 / Ed. by D. Kumar. Cambridge etc.: Orient Longman; Cambridge University Press, 2004 (далее – *CEHI*, II).

Fieldhouse D.K. *Economics and Empire, 1830–1914.* L.: Weidenfeld and Nicolson, 1973.

Habib I. *Indian Economy, 1858–1914.* New Delhi: Tulika Books, 2006.

A History of Modern India, 1450–1950 / Ed. by C. Markovitz. L.: Anthem, 2002.

Hurd J.M. Railways (Chapter VIII, 2) // *CEHI*, II.

Maddison A. *Class Structure and Economic Growth: India and Pakistan since the Moghuls.* N.Y.: Norton, 1971.

Moore R.J. India and the British Empire // *British Imperialism in the Nineteenth Century* / Ed. by C.C. Eldridge. L.: Macmillan, 1984.

Morris M.D. The Growth of Large-Scale Industry to 1947 (Chapter VII) // *CEHI*, II.

Roy T. *The Economic History of India, 1857–1947.* Oxford etc.: Oxford University Press, 2006.

Simkin C.G.F. *The Traditional Trade of Asia.* L. etc.: Oxford University Press, 1968.

Stein B. *A History of India.* Oxford: Blackwell, 1998.

Tomlinson B.R. Economics and Empire: The Periphery and the Imperial Economy (Chapter 3) // *The Oxford History of the British Empire.* Vol. III. The Nineteenth Century / Ed. by A. Porter, A. Low. Oxford–New York: Oxford University Press, 1999.

Washbrook D. South Asia, the World System, and World Capitalism // *The Journal of Asian Studies.* Ann Arbor, August 1990. Vol. 49. № 3.